

Лумельский ВЯЧЕСЛАВ

ЖИЗНЬ И ЛЮБОВЬ

СБОРНИК ПОВЕСТЕЙ
И РАССКАЗОВ

СУПЕР Издательство

Вячеслав Лумельский

Жизнь и любовь (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24055282

Жизнь и любовь (сборник): Супер Издательство; Санкт-Петербург;

2017

ISBN 978-5-9909610-2-9

Аннотация

Автор рассказов этого сборника описывает различные события имевшие место в его жизни или свидетелем некоторых из них ему пришлось быть.

Жизнь многообразна, и нередко стихия природы и судьба человека вступают в противостояние, человек борется за своё выживание, попав, казалось бы, в безвыходное положение и его обречённость очевидна и всё же воля к жизни побеждает. В другой же ситуации, природный инстинкт заложенный в сущность природы человека делает его, пусть и на не долгое время, но на безумные, страстные поступки. В этих рассказах Вы прочитаете о различных и противоположных по своей сути событиях, от трагических до страстных сцен.

Содержание

Один во мгле	5
Речка «Неизвестная»	19
Одинокий всадник	23
Мельница	38
В стогу	47
Кяхта	61
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Лумельский Вячеслав

Жизнь и любовь (сборник)

© Вячеслав Лумельский, 2017

© ООО «Супер Издательство», 2017

* * *

Один во мгле

Зима в этом году выдалась снежной. Снежной – это мягко сказано. Дома одеты в огромные снежные шапки, Улицы завалены снегом так, что по тротуарам люди ходили по протоптанным тропам, как по снежным траншеям. Транспорт ездил по тем не многим улицам, на которых, с большим трудом убирали снег. Глеб проснулся рано. За окнами, с намерзшим на них льдом была еще ночь. Отбросив одеяло, молодой человек быстро встал, включил свет, сделал несколько гимнастических упражнений. Туалет занял несколько минут. Будучи студентом, он занимался спотом. Тяжелая атлетика и бокс способствовали энергичному образу жизни. Окончив Саратовский медицинский институт, Глеб получил, правильнее сказать, сам выбрал направление на работу в Вологду. В отряде скорой помощи, куда его определили, молодого специалиста встретили радушно. За короткое время Глеб проявил себя знающим врачом и добрым, отзывчивым человеком. Приведя себя в порядок, Глеб приготовил завтрак, поел, встал из-за стола намереваясь убрать посуду, как в это время постучали в дверь. Мелькнула мысль: «Кто так рано?»

– Входите, не заперто, – сказал он громко.

Вошел Олег водитель из их отряда. С порога он проговорил:

– Извините, Глеб Васильевич, срочный вызов. В Сямже несчастный случай требуется немедленно вылетать. Глеб, не дослушав быстро оделся и они вышли на улицу. Выбравшись через двор к машине, это была полуторка. Уже менее чем через час они были в отряде на аэродроме. Вертолёт МИ-1 был уже готов к вылету. Начало светать. Пилот, поздоровавшись с Глебом, сказал:

– Глеб, положение серьёзное.

– Да я знаю, – перебил его Глеб.

– Да я не о том, дело в погоде синоптики предупреждают о возможной пурге в ближайшее время.

– Сколько лететь до Сямжи? Так туда километров 145, считай, около часа.

– Ну чего теряем время, если ты уверен, летим. Вертолёт мягко оторвался от земли, поднимаясь, набирал скорость.

Солнце медленно вставало из-за горизонта. В мареве неба холодное белое пятно солнца создавало ощущение промозглости. Равномерное урчание мотора и шум винтов создавали ощущение надёжности и в тоже время отдалённости от дома. Виктор крикнул:

– Глеб надень тулуп, замерзнешь.

– Да нет, я оделся тепло.

Минут через двадцать, Виктор громко сказал подошедшему Глебу:

– Нас накрыла пурга, ни чего не видно.

– Давай назад, разворачивайся, – сказал Глеб.

– Не получится, нет ориентиров, выход один будем садиться.

Вертолёт стал снижать скорость. Глеб открыл дверь в надежде разглядеть что-либо. Но за бортом сплошная белая масса из мелкого снега, это практически была непроглядная масса. Лицо Глеба моментально облепило снегом. С нежный вихрь ворвался в салон. Глеб крикнул:

– Ни чего не... – в это мгновение огромная сила выбросила его из вертолёта. В то же мгновение он услышал звук не похожий ни на что из ранее слышанных им. Какое-то время Глеб пытался понять, что произошло. Он пытался понять, что случилось с ним и вертолётom. Как во сне до него дошло, произошло непоправимое. Пошевелившись, понял, цел. Глубокий снег, меховая одежда и густой кустарник сыграли спасительную роль. Выбравшись из сугроба, Глеб всматривался в непроглядную пургу. Стояла ужасающая тишина. Сняв шапку, стал вслушиваться и услышал негромкий треск, а вскоре увидел розовые пятна в массе завихрений снега. С трудом преодолев глубокий снег, болела правая нога, он увидел ужасающую картину. Искореженный вертолёт как бы влип в каменный выступ. Во многих местах виднелись разгорающиеся языки пламени. Первая мысль: «Виктор! Где он, спасти его». Глеб попытался понять, где кабина, но её вообще не было видно. Очевидно, её сплющило и подмяло под фюзеляж вертолёта. Этим временем огонь усиливался. Глеб проник в салон и стал выбрасывать всё, что попадало под

руку. Все предметы, находящиеся в салоне сгрудились в передней части салона. Стало трудно дышать от дыма, огонь проник в салон. Протиснувшись через деформированный от удара дверной проём, Глеб отошел в сторону, сел на снег, кашляя, тяжело дыша, смотрел как разгорается огонь, пожирая машину. Местами алюминиевая обшивка плавилась, превращаясь в сосульки. Огонь от горящего топлива языками завихрялся, вступая в бешенную пляску с вихрями снега. Мысли Глеба вновь вернулись к Виктору. «А вдруг он жив». Глеб встал, подошёл на сколько было возможно к останкам вертолёта, стал всматриваться, пытаясь разглядеть, где находится место пилота, куда могло его подмять. Как ни старался Глеб так ничего и не смог увидеть. Убедившись, что он ничего сделать не сможет, Глеб сел на тулуп, глядя на остов бывшего МИ-1, пытался понять, как же это могло произойти. Его не покидало чувство вины: «Ведь это мои последние слова стали решающими. Ведь синоптики предупреждали. Но почему диспетчер не запретил?». Он не знал, что не редки были случаи, когда в экстренных случаях бригады вылетали самостоятельно. До сих пор всё было благополучно. Пурга не ослабевала. Сколько времени Глеб, находясь в оцепенении, с закрытыми глазами просидел без движений, он не знал. Старался, вот уже в который раз, вспомнить всё до мелочей, последнего часа до трагедии. Мысли то и дело возвращались к вопросу: «А всё ли я сделал, что бы спасти Витю?» Ответа не было. Подспудно он понимал, что ответа на то, что

невозможно сделать быть не может. Он не замечал, что пурга сменилась сильным снегопадом. Глеб не ощущал холода. От неподвижного сидения затекли ноги. Он открыл глаза, увидел занесённый снегом остов вертолёта, в котором в нескольких местах виднелись струйки поднимавшегося дыма и пара. Вокруг лежало белое безмолвие. Глеб с трудом встал, болела ушибленная нога, ныло всё тело от долгого, неудобного положения. Отряхнув с себя снег, направился к вертолёту, но тут же остановился. Зачем? Теперь, это, ни к чему. Нужно думать, что делать.

День подходил к концу. Снег прекратился, падали редкие, крупные снежинки. Время приближалось к вечеру. Отсутствие теней скрывало рельеф и создавалось впечатление огромной, безмолвной снежной пустыни. Мороз стал крепчать. Глеб вытряс тулуп, стряс снег с ближайших кустов. Ногами, насколько можно было, разгрёб снег. Бросив тулуп на кусты, стал искать в снегу выброшенные им из вертолёта предметы. Вскоре нашел брезентовый чехол, набросив его на кусты в том месте, где был расчищена площадка, соорудил укрытие. Огромный тулуп, уложенный под брезентом, обеспечивал надёжный ночлег. В этих местах ночь опускается стремительно. Пока Глеб, оборудовал ночлег, стало темно, и мороз давал о себе знать. Забравшись в укрытие и завернувшись в тулуп, человек подумал: «Ну, с богом, не замерзнуть бы». Уставший от пережитого, одинокий в снежной пустыне человек сознавал, что впереди тревожная неизвест-

ность. Чувствуя сильный голод, он быстро уснул. Сон его был тревожным, часто вздрагивал всем телом и стонал. Длинная ночь. К утру потеплело. Выпавший за прошедшие сутки снег, укрыл землю толстым своим покрывалом. Забрезжил рассвет. Проснувшись, Глеб не сразу вспомнил, что случилось. Какое-то, время он соображал, где он и что с ним? Но память быстро вернула его в действительность. В этот момент он услышал шум вертолѐта. Мелькнула мысль: «Виктор!» Но тут же понимание: «Ищут!» Выбравшись из укрытия, он увидел останки «Мишки» – так называли они свой вертолѐт. Глеб стоял, глядя в небо, понимая: «Нас ищут, а я проспал, но они вернутся, я уверен. Буду ждать». Он прождал весь день, не вернулись. Во второй половине дня было слышно, где-то стороной пролетел вертолѐт. Весь день мучил голод и жажда; снег, который он сосал, мало помогал. Спал беспокойно, ворочался, часто просыпался. Когда выбрался из своей берлоги, так он мысленно назвал. Да и действительно сооружение получилось настолько низким, что попасть в него можно было только на четвереньках. Занесенное снегом это жилище со стороны не было видно. Мысли о том, когда в следующий раз появится вертолѐт, заставили его думать, как поступать дальше. Глеб размышлял: «Если идти в поисках какого-либо поселения, то он не имеет об этом ни какого представления. Не известно в какую сторону идти. Судя по времени их полѐта, они пролетели километров шестьдесят-семьдесят, а это значит, что пройти такое

расстояние без лыж не возможно. Снег выше колен и голодным далеко не уйдёшь. Осталось только одно – обжиться, решать вопрос с едой и водой».

– Положение, скажем практически неразрешимое» – прошептал он.

Он сидел и всматривался в даль, где бесконечно белый, искрящийся на солнце снежный простор на горизонте сливался с голубым небом. Правее от него метрах, в трехстах виднелся хвойный лес. Смотря на это великолепие природы, мысли унесли Глеба в его недавнее прошлое. Вспомнился весенний майский день в Саратове. Он выпускник Саратовского медицинского института прогуливаются по аллеям парка Липки. Их весёлая тройка проходила мимо фонтана у которого стояли и весело, что-то обсуждали три, нарядно одетые выпускницы школы. У Глеба дрогнуло сердце, когда он встретился взглядом с той, что стояла в середине. Парень даже споткнулся на ровном месте и остановились. Девушки замолчали глядя на него. Выручили друзья, дружно, хором предложили:

– Девочки давайте познакомимся!

Те в ответ засмеялись. А та, которая привлекла внимание Глеба, бойко ответила:

– А что, давайте познакомимся.

Так выпускник мединститута познакомился с веселой, слегка рыжеватой Настей. Потом они до утра гуляли по городу, по набережной. Глебу, чем дольше они гуляли и расска-

зали всякие истории из своих жизней, казалось, что он это прелестное создание знает давно. До самого отъезда Глеба по назначению он встречался с Настей почти каждый день. Расставание было трогательным и горьким. договорились, что когда Настя окончит экономический институт, а что она поступит туда она не сомневалась, сразу приедет к Глебу и они поженятся.

Очнувшись от воспоминаний, Глеба как вспышка озарило, – он же выбрасывал огромный вещмешок, очевидно, Витин. Да еще, кажется, был карабин, точно, он валялся на полу у двери. Глеб стал осматривать местность, куда выбрасывал вещи. Сугроб снега выделялся на почти ровном месте. Из этого сугроба действительно вытащил внушительных размеров рюкзак. Поспешил отнести к своему жилью.

На задней части рюкзака привязан котелок с одного бока рюкзака в чехле топор, а с другой складной казан. В рюкзаке оказалась камуфляжная куртка с брюками, несколько пачек гречневого концентрата и две банки тушёнки, соль и еще несколько мешочков с чем то. В боковых карманах патроны, спички и что-то еще. В камуфляже были завернуты большой охотничий нож и какой-то футляр, в нём оказался оптический прицел.

Обнаружив такое богатство, Глеб разволновался, не зная, что делать. Встал с колен, глубоко вздохнул, громко проговорил:

– Витя, обещаю больше ни когда в жизни не совершать

необдуманных поступков. Я теперь должен жить за нас двоих.

Голод давал о себе знать. Достав ржаной сухарь, с трудом и с удовольствием съел его. Взял топор пробрался по глубокому снегу к сухостою, срубил и приволок его, на место, где решил разжечь костёр. Тщательно с большим трудом расчистил место для кострища. Нарубив дров, разжег костёр, поставил таган. Расстелив камуфляж, разложил съестное. Вскоре была готова ароматная каша из концентрата. Попив чая вприкуску с сахаром, пошёл искать карабин. На этот раз он его не нашёл. Совсем не отложилось в памяти, куда его бросил. На следующий день Глеб испахал ногами большой участок снега, но тщетно. Уставший и разгоряченный вернулся к берлоге, приготовив еду, поел, около получаса отдохнув, вновь стал искать карабин. Обнаружил он его в снегу в кустарниках. Вечерело. Усталость сделала своё дело, уснул быстро. Утром шел редкий снег. Нарубив елового лапника, в лесочке на пригорке не далеко от места трагедии, Глеб соорудил из жердей и лапника конусный шалаш, напоминающий чум, который надежно укрыл костёр и вход в берлогу от снега. У весело пляшущего пламени костра Глеб приводил в порядок карабин, когда услышал шум вертолёта. Выскочив наружу, он мельком увидел, пролетающий далеко, над лесом МИ-1. От досады опустив руки, в одной держал разобранный карабин. Подумал этот по любому не мой. Почистив все детали карабина, стал искать, чем их мазать. В карманах ка-

муфляжа не было, не было и вкарманах рюкзака. Выложив из рюкзака все содержимое, обнаружил коробку. Коробка из картона находилась в не промокаемой мешочке. Когда Глеб открыл коробку, его бросило в жар. Там оказалась ракетница и три ракеты. Держа то и другое в руках, смотрел на них как на врагов. Осознавая свою оплошность, в том, что не выпотрошил с самого начала рюкзак полностью. Подумал: «Ведь какой-то из пролетевших вертолёт мог увидеть выпущенную ракету». Надежда на спасение возросла. Масла для карабина не нашел. Отрезав кусочек ткани от одного из мешочков, пошёл к вертолёту. Там в районе расположения двигателя обнаружил подтёки масла. Обильно намочив тряпочку, вернулся и закончил сборку карабина загнав в него пять патронов выйдя, выстрелил, убедился, что исправен. Наломав елового лапника, Глеб связал метлу, и весь оставшийся день сметал с вертолёта снег. Этой работы ему хватило и на следующий день. Теперь спасатели обязательно его заметят. Однако, то наличие еды, что осталось, ни как не вызывало у него оптимизма. Охота – это единственное, чем необходимо заняться, решил он. Однако ему не приходилось заниматься эти. Глеб стал вспоминать рассказ друзей и знакомых охотников. С сожалением подумал: «Ведь сколько раз его приглашали друзья на охоту, но всегда что-то мешало». Решение было принято, осваивать это дело по ходу обстоятельств. Наутро следующего дня он взял карабин, поднялся на горку, отсюда хорошо просматривалась окружающая

местность. Не далеко внизу раскинулся, до самого горизонта огромным тёмным пятном на белом снежном просторе лес. Устроившись поудобнее в глубоком снегу, Глеб стал внимательно всматриваться в окружающую обстановку. В оптический прицел разглядел перед лесом заросли мелкого редколесья и кустарников. В дали, пролетали какие-то птицы. Однажды совсем низко над ним пролетела, какая-то птица, шум её крыльев заставил его вздрогнуть. Это произошло так неожиданно и быстро, что он даже не успел её увидеть. Так просидев почти до вечера, время от времени разминая затекшие ноги и согреваясь, побрел к своей берлоге. Из еды осталось три сухаря, два куска сахара, соль не в счёт. Учтывая, что прожитая здесь неделя прошла на голодном пайке, да ещё в зимних суровых условиях у человека мало оставалось надежды на выживание. Он еще раз продумал вариант, отправиться в поиск людей, снова понял не реальность этого. «Да нет же, должны же искать, а теперь, когда у меня есть сигнальные ракеты и очищенный вертолёт видно из далека, найдут, обязательно найдут» – думал он. Темнело. Очень хотелось есть. Подбросив дров на угасающие угли смотрел, как появлялись маленькие струйки огня и превращались в пламя костра. Набрал в котелок снега, повесил на таган. Подумал: «А если там, потратив безрезультатно на поиски несколько дней, решили, что мы оба погибли и отложили спасательные действия до оттепели. Да, уж Глеб Васильевич, ситуация и вовсе в никуда. Но, побеждает тот, кто борется. А я хочу

жить. И не сдамся». Вода в котелке закипела, бросив в неё щепотку соли снял котелок, зачерпнул кружкой воды взял её обеими руками. Горячий металл обжигал замерзшие ладони, Глеб дул на воду и отхлебывал горячую солоную воду. Ночь опустилась на землю. Прозрачное небо усыпанное миллиардами звёзд отдавало чем то непостижимо далёким, холодным, чужим. Глеб забрался в берлогу, укутался в холодный тулуп, подумал: «Если бы не он, давно погиб бы он, как волшебный, завернёшься в холодный, а через некоторое время становится достаточно тепло. Спасибо тебе, дорогой мой». Вспомнил, как и всегда, в эти дни Виктора. Благодаря ему ещё жив. Глеб в своих рассуждениях был близок к истине, спасатели действительно осуждали вопрос о прекращении поиска с воздуха, учитывая прошедшие снегопады. В штабе приняли решение о привлечении к поиску местное население и особенно охотников. Ни кто не знал, что в во время пурги вертолёт сбился с курса и ушёл на много севернее. Еще сутки Глеб просидел в снегу в ожидании какой-нибудь дичи, но тщетно. Голод одолевал всё сильнее, хотя иногда, почему то исчезал и приходила лёгкость во всём теле, но вскоре, чувство голода проявлялось с большей силой. В этот вечер, вернувшись, к своему удивлению Глеб не заметил, как съел остатки сухарей последний сахар. Спал очень тревожно, стонал и ворочался. Утром, попив подсолённого кипятка с остатками крошек сухарей, пошел на очередное дежурство. Устроившись поудобней в уже насиженном ме-

сте стал в оптику всматриваться в направлении леса. Стояло безмолвие, светило холодное солнце и полное безветрие. В какой-то момент что-то мелькнуло в оптическом прицеле, и действительно, он увидел, как в редколесье, в снегу движется лисица, это была чернобурка. Глеб прикинул расстояние до неё, – понял, не попадет, далеко. Положил карабин на колени. Подумал: «Вот если бы курил, наверно, было бы легче, хотя при отсутствии табака, наверно, было бы еще хуже». В этот миг он увидел, из леса кто-то вышел. Первая мысль: «Человек». Когда пригляделся, понял, крупный зверь. В оптику разглядел, лось, это был крупный зверь. Было видно он с трудом передвигался по глубокому снегу, остановился склонил голову. Лось тяжело дышал. Глеб прицелился, пригодилась палка с сучком на которую положил карабин прицелился выстрелил, перезарядил оружие. Лось прынул всем телом вперед и упал. Бросив карабин, Глеб кинулся вниз, но глубокий снег к тому же, с твёрдой ледяной коркой под, свежим снегом требовал огромных усилий. Через несколько десятков метров он обессилено сел. Наблюдая за лосем, он видел, что тот подаёт признаки жизни, Глеб пожалел, что не бросил карабин. Нужно было добить, чтобы не мучился. Его внимание привлекли движущиеся вдоль леса несколько волков, понял он. Не понимая, что делать, он окончательно понял, какую совершил ошибку, оставив карабин. Во рту пересохло, от напряжения он даже вспотел.

Другого решения нет, нужно возвращаться брать кара-

бин подходить, как можно ближе и отстреливать хищников. Он стал возвращаться по своим следам к сидке. Глеб в первый момент подумал: «Мерещится». Когда увидел идущих к нему людей на лыжах. Ноги подкосились, осев он, не моргая глядел на приближающихся. Слезы текли по щекам, губы шептали: «Родные мои, родные...» Это были два охотника прошедших, в поиске пропавшего вертолѐта более семидесяти километров, на третьи сутки в бинокль они увидели останки вертолѐта. Обнаружив жильѐ по радиии, сообщили об обнаруженном в штаб по поиску пропавших.

Расположившись у костра, охотники приготовили горячую еду, пока трапезничали да разговаривали, послышался шум вертолѐта, Глеб выстрелил из ракетницы. Красная ракета была сразу замечена пилотом, вертолѐт через несколько минут завис над местом катастрофы.

Речка «Неизвестная»

Погожий день предосенней поры. Река несущая свои воды между двух не высоких, но крутых каменистых берегов, поросших низкорослыми деревьями. Этот не мудреный, но вселяющий уверенность и спокойствие, веками созданный пейзаж, располагал к воспоминаниям и размышлениям о бренности жизни. На левом берегу речки возвышался большой, плоский валун. Северная сторона его обросла мхом, с двух других сторон, вплотную к нему росли две древние ели. С их толстых ветвей с редкой хвоей свисали гирлянды мха. На валуне, подложив под себя торбу, сидел, привалившись спиной к одной из елей, уже не молодой человек. Не покрытая голова склонилась, вперёд и подбородок упирался о колени подогнутых ног. Руки обхватили колени, борода с небольшой проседью закрывала кисти рук. Довольно высокий и широкий лоб покрыт глубокими морщинами, тёмно-карие глаза с грустью и отрешенностью смотрели на воду. Это был Терентий, младший сын, когда-то известного в России помещика Василия Интегринова. Всего у родителей Интегриновых было два сына и две дочери. Старшие дети жили у брата отца в Петербурге. Татьяна училась в гимназии благородных девиц, а Александр поступил в университет. Терентий и его сестра Нина жили в большом родительском имении, расположенном на берегу реки Волги. Судь-

бы всех братьев и сестёр сложились по разному, тому причиной послужило не спокойное время разгула самозванца и преступника Емельяна Пугачёва. Последнее время Терентию не давала покоя история с исчезновением, теперь уже из большой таёжной деревни его любимой племянницы, приказчика Алёшки и еще нескольких человек, в том числе следопыта и знатока не только здешних, но и дальних таёжных просторов, Хутабая. Не спуская взора со спокойно текущей воды, Терентий старался вспомнить события давно прошедших лет, лет своего беззаботного, счастливого детства. Воображение восстанавливало картинку из жизни, в поместье на Волге. Вот он играет с щенятами их дворовой собаки. Щенята толстенькие с короткими хвостиками. От них пахнет, каким-то своим щенячьим ароматом и он нравится Терентию. Щенята урчат, повизгивают, тёплыми, мягкими язычками лижут его щёки, они кувыркаются на траве и Терентию хорошо, он радуется своим четвероногим, пузатым друзьям. В памяти возник образ бабушки, она с няней печёт пироги со стерлядью и пирожки со свежей вишней. Терентий даже вспомнил запахи этих яств. Где-то не далеко, громко раздался звук треснувшего старого пересохшего ствола. Следом за треском, звонко прозвучала дробь дятла. И вновь воцарилась тишина, нарушало которую только спокойное журчание воды. Да еле слышное перешептывание ветерка в верхушках деревьев. Более, полвека прошло с тех пор, как расстался он с братом и сёстрами. Их тогда отправили в Санкт-

Петербург к брату отца, который взялся обеспечить светское обучение детей. Шёл тогда Терентию седьмой год от роду. О событиях в имении в те далёкие годы, знал только по рассказам отца и других людей. Со стороны Терентий был похож на спящего. Возможно, он действительно задремал под лучами не жаркого солнца. Из-за молодого ельника вышел медведь, он остановился, понюхал, поводя головой, медленно и бесшумно направился к валуну. Оперевшись передними лапами о камень обнюхал охотника, попытался дотянуться до него, но ни чего не получилось. Терентий, почувствовав что-то неладное, пошевелинулся, мишка тут же спокойно и осторожно отошёл к ельнику. Там на бугорке прилёг. Вытянул передние лапы и положил на них голову. Медведь был молодой, ещё не пуганный. Однако как только Терентий поднял голову, мишка стремглав скрылся в ельнике. Терентий подумал: «На этот раз повезло тебе, глупый топтыжка».

Воспоминания, как будто картинками, отражались в глади речной воды. Вот тряская телега везёт его по бескрайней степи, солнце нещадно печёт, тучи мошки преследуют обоз. Спасение от неё под холстом, но там душно. Вот горит большой костёр, а над ним огромный котёл, в нём готовят для всех кашу. Повариха мешает её деревянной весёлкой. Все собаки лежат под телегами с высунутыми языками и тяжело дышат. В пути обоз сопровождает разноголосица звуков: скрип колёс, фыркание лошадей, понукание извозчиков. Кто-то играет на гармошке. На привалах, по вечерам бабы,

сидя у костра, запевают не громко песню. И кажется Терентию, что и теперь он слышит эти не громкие печальные песни.

Одинокий всадник

Ночь опускалась над сибирскими просторами. Железнодорожный эшелон с кавалерийским полком белой армии медленно подъезжал к небольшому полустанку. Пуская пар, паровоз остановился перед закрытым светофором, некоторое время воцарилась тишина. Послышался лязг открывающихся дверей вагонов. Ночь наполнилась разнобоем голосов, люди выскакивали из грузовых вагонов, из которых раздавалось ржание лошадей. Казалось, полустанок начинал жить какой-то неожиданной для него новой жизнью. Солдаты носили в ведрах воду для лошадей, офицеры спешили к штабному вагону. Не прошло и получаса, как раздались залпы выстрелов. Пулеметные очереди слышались с обеих сторон железнодорожного полотна. В темноте было трудно разобрать, откуда и кто стреляет. Кавалеристы выгоняли лошадей из вагонов, и те выпрыгивали на деревянный перрон. Смешались люди, кони, разбегались в беспорядке кто куда. Падали раненые и убитые. Ржали раненые лошади. Лес, окружавший железнодорожное полотно, ограничивал возможность отступления. Поручик Есин перед этим событием примерял новое седло на свою лошадь, затягивая подпругу подумал: «Каково это новое седло, удобно ли мне будет в нем, ну, хорошо хотя бы то, что оно в полном снаряжении» – пристегивая винтовку к седлу и подсумок, внимательно

но по-хозяйски все осматривал. И с удовлетворением отметил: «Нет, это все в порядке, это все хорошо, во всяком случае, моё порядком износилось». В этот момент поезд остановился, и солдаты раскрыли дверь. Стрельба и поднявшаяся паника, крики, вопли, ржание лошадей, треск пулеметов, все смешалось в единое, страшное разноголосье. Поручик с лошастью выскочил на перрон и, не задумываясь о том, что произошло, вскочил на седло и помчался вдоль эшелона в сторону паровоза. Пригнувшись к седлу, он слышал как пули били по вагонам. Лошадь вынесла его на свободную полосу между лесом и железной дорогой, по которой он удалялся от страшного события. Сколько прошло времени с тех пор, как он покинул эшелон, он не знал. Полная луна и чистое небо создавали хорошую освещенность местности. Вскоре лес кончился. Начались пролески и небольшие поляны. Он замедлил бег коня, давая ему передохнуть, но в это время услышал сзади себя выстрелы и свист пуль. Пришпорив коня, помчался в сторону пролеска, где оказалось нетореная телегами дорога. По выстрелам и улюлюканьям, он понял, что погоня за ним продолжается. Постепенно между ним и догонявшими, расстояние увеличивалось и когда он доскакал до разрушенного моста, через небольшую речку, не более трех-четырёх сажений, убедился что за ним больше никто не гонится. Осмотревшись увидел, что по ту сторону реки гладкая степь. Напоив коня, он переправился на противоположный берег. Пустил коня пастись и сам решил отдох-

нуть. С рассветом обратил внимание, что конь поднял голову и прядет ушами в сторону, откуда он прискакал. Вскочив в седло, всмотрелся вдаль и увидел, что по дороге движется обоз и всадники. Пришпорив коня, помчался в степь. По дороге короткие передышки необходимо было давать лошади.

Уже к концу дня он обнаружил, что в его сторону скачет небольшой отряд. Есин вскочил в седло и помчался в степь, удирая от преследования. Если бы он знал, что те, кто преследовал его, был небольшим отрядом анархистов, которые не могли причинить ему зла. Преследование вскоре прекратилось.

День подходил к концу, наступала ночь, когда он остановился, дав лошади пастись. Теперь его мысли занимали о воде, необходимо было напоить лошадь. Он подумал лошади необходимо воды, который нет, зато у нее есть пища. А у меня нет пищи, зато две фляги воды, кроме сухарей, которые случайно оказались в сумке. Темная ночь опустилась на степь, и поручик решил, что он без остановки всю ночь будет удаляться как можно дальше от места событий. Начинало светать, когда его разбудило ржание лошади. Сон сморил всадника в седле. Теперь же он не сразу понял что происходит, но когда сообразил, увидел, что их окружают три шакала. Лошадь топчется на месте и ржет. Выхватив наган, стал стрелять в них. Но пули не достигли цели, зато звук выстрелов распугал шакалов. Пришпорив лошадь, он снова двинулся в путь. Поручик не представляя куда он движется. По вос-

ходу солнца определил, что едет на восток. Про себя решил, да действительно это единственное в моем положении, на восток и только на восток, там очевидно мое спасение. Время перевалило за полдень, когда он впереди увидел какой-то предмет, вскоре понял, что это юрта. Чему естественно обрадовался, но когда приблизился, обнаружилось что это только практически скелет от юрты. И все же внутри нее сохранился очаг, чан с отколотым боком. Около юрты находился большой штабель шевяков. Теперь не хватало только воды и того что сварить в ней. Поручик стал осматривать окрестность и вскоре обратил внимание редко пролетавшие вороны вдалеке садились на землю. Через некоторое время они взлетали. Он подумал: «Не к воде ли они летают». И направился в ту сторону своего коня. Он не ошибся, здесь действительно протекал ручей. С обеих сторон поросший зеленой густой травой и только в одном месте было натоптан подход к воде. Стало ясно, что сюда на водопой приходят не только птицы, но и звери. Наполнив фляжки водой, подвел лошадь к ручью. Вернувшись в юрту, налил из фляг воду в чан. Поручик решил, что нужно попытаться счастье на охоте. К водопою обязательно должны прийти какие-нибудь звери. От греха подальше он завел лошадь внутрь юрты, взял винтовку и направился к водопою. Степь жила своей жизнью, в разных местах раздавался свист сусликов и тарбаганов, которые вылезали из своих нор, вставая столбиком, замечая человека, свистели и тут же ныряли обратно в свои норы. Недалеко

от водопоя поручик обнаружил сравнительно высокую горку, нарытую тарбаганом. Он лег за этой горкой и устроился поудобнее в ожидании добычи. День подходил к концу, вечерело. Земля, нагретая за день солнцем, отдавала свое тепло. Есин вспоминал пережитые события, пытался представить, что стало с его товарищами-однополчанами, постепенно сгустившиеся сумерки и тепло земли сморили поручика, веки сами собой закрылись и он заснул глубоким, безмятежным сном. Начинало светать, когда поручик проснулся. В первый момент он не мог сообразить где он, он оглядевшись вспомнил все. Улыбнувшись, подумал: «Ну, охотник из тебя конечно настоящий, всех зверей проспал. А может, их и не было». Взяв винтовку в руки, прицелился в предполагаемую жертву, понял, что лучшей позиции уже нет, стал ждать. Рассвет наступал быстро. Вот, вот должно было взойти солнышко. Наконец Есин, увидел, что к водопою подходит несколько не то баранов, не то коз. Он подумал: «Домашних здесь быть не может, значит, это дикие животные». Когда это небольшое стадо подошло к водопою и, толкая друг друга стали пить воду, Есин выбрал среднего по росту животного, прицелился и выстрелил. Жертва пала, остальные бросились убежать. Когда поручик подошел к своей жертве, увидел, пуля попала прямо в лоб. Склонившись, думал кто же это такой, баран или коза вообще, какая разница, главное у меня теперь есть мясо. Взяв животное за заднюю ногу, он потащил его волоком к юрте. Когда подошел к юрте, с удив-

лением увидел у входа в нее огромного черного лохматого пса, пес медленно встал и приветливо замахал хвостом. Есин понял, что пес не представляет угрозы. Он спросил пса:

– Ты кто хозяин или случайный прохожий, как ты тут оказался? А, горемыка, очевидно, ты тоже голоден, ну что ж сейчас разделаем этого барана и насытимся.

Поручик вошел в юрту, вынул нож и ножен, которые пристегнуты к седлу, присел около барана и стал думать: «Что же мне с ним делать, мне не приходилось шкуру снимать». Стал вспоминать, как в далекие годы на охоте егеря разделяли добытые трофеи. Эти воспоминания помогли ему разделить барана. Вынув потроха, он отдал их собаке. Та обнюхала их, посмотрела на поручика и не спеша стала поедать. Поручик нарезал тонкими полосками мясо, нашел обрывки веревочек, связал их, и натянул веревку между юртой и столбом, который очевидно служил для привязи лошадей. Тонко нарезанные кусочки мяса развесил на этой веревке, чтобы они на солнце провялились, наполнил чан мясом, разжег под ним огонь и с сожалением вспомнил, что соли нет, да без соли какая пища. Подумал: «Странно я ведь не проверил все под сумки на седле. Капитан, у которого я выиграл это седло накануне, человек был предусмотрительный и запасливый». Проверяя содержимое под сумка, он обнаружил в них мешочек с сухарями, а также небольшой мешочек с солью, там были даже миски, ложки, вилки, в общем, у поручика получилась неплохой обед. Он решил половину мяса сварить,

половину завялить, рассчитывая, что жаркого дня ему будет достаточно. «Этот день и ночь я отдохну, рано утром снова в путь на Восток». Ночь прошла без приключений. Встав еще до восхода солнца, он разделся, сбегал к ручью, умылся, вернувшись, позавтракал, не спеша собрался в дорогу. Сводил лошадь к водопою и, вскочив в седло, тронулся в путь. Собака поплелась за ним, но, не пройдя и версты, вернулась обратно. Есин думал, как поступить, ехать вдоль ручья или прямо на восток. Решил ехать вдоль ручья. Пустив коня иноходью, поскакал навстречу солнцу. День, как и предыдущий, выдался жаркий и путь оказался нелегким. Где-то к полудню Есин сделал небольшой привал, лошадь пощипала сочную траву, росшую вдоль ручья. Получасовой отдых и опять в дорогу. Сколь ему придется провести в седле, и куда его выведет выбранный им путь, он не представлял. Уже под вечер, когда диск солнца коснулся горизонта, Есин выехал на накатанную колесами телег и лошадьми дорогу. Дорога пересекала ручей и уходила вдаль под углом от него. Теперь у него другого выбора не было, как продолжать свой путь по этой дороге. Вскоре по обе стороны дороги стали возвышаться не большие холмы. Склоны холмов покрывали кустарники. Дальше путь всадника продолжился по ложбине. Неожиданно внимание поручика привлекли беспорядочные следы копыт лошадей и колес телег. Поручик понял, что здесь было какое-то событие, в котором участвовало больше десятка лошадей. На дороге и около, валялись какие-то обрывки.

Спешившись, он стал осматривать это место и убедился, что действительно здесь проходила какая-то серьезная схватка, в одном месте обнаружил лужу крови. Следы телег свернули с дороги и направились в сторону сопок. Неожиданно лошадь заржала. Поручик обратил внимание, куда направлена голова лошади, она смотрела в густые невысокие кусты по левую сторону дороги. Оставив лошадь, поручик стал пробираться через кусты, внимательно оглядывая их. Не прошел и десяти шагов, как увидел, как ему показалось, безжизненное тело. Это была женщина. Он склонился над ней и услышал тихий голос почти шепот пить, пить, воды. Не теряя времени, он поднял находку на руки, и вынес из кустов к дороге, положил на траву. Теперь он увидел, это была девушка, одетая в легкое платье. Достав флягу, он напоил ее, расстелил попону, переложил ее. Все действия его были машинальные, он еще не осознал, что случилось. Теперь, когда как-то устроил пострадавшую, он осмыслил обстановку. И понял, что на этом месте случилась какая-то трагедия. Темнота неотвратимо опускалась на землю. Есин, насобирав, сухих веток, разжег небольшой костер, наполнил солдатский котелок водой, поставил на огонь варить нарезанное кусочками мясо. Когда мясо было готово, он подошел к девушке, та попросила еще воды. Есин, подал ей флягу и предложил свое варево. Так незаметно пробежало время, и луна уже стояла в зените. Есин, сморенный усталостью уснул на попоне рядом с девушкой. Утро уже было в разгаре, когда поручик проснулся.

Поднявшись, он обнаружил, что девушка сидит и завтракает вчерашним варевом. Она прошептала:

– Извините, я так голодна. Не знаю точно, сколько я здесь уже, но кажется, трое суток.

Он спросил ее:

– Что случилось, на вас кто-то напал?

Она рассказала:

– Да, мы с семьей и прислугой на трех подводах направлялись в Китай. Бежали от красных. Но здесь на нас напали бандиты и всех увели, а я осталась, так как шла за кибиткой в тени от солнца. И когда они напали, я даже не сообразила, что случилось, бросилась в кусты и спряталась в них. Некоторое время спустя, поднявшись и выглянув из кустов, я видела, как весь обоз и всадники уходили туда в гору.

– Что же вы не ушли по дороге, а все эти дни находились в кустах?

– Я хотела идти, но потом подумала, что если я пойду по дороге, но в случае нападения не успею спрятаться. А коли по этой дороге ехали мы, значит, скоро опять кто-нибудь может поехать, и тогда я с ними смогу уехать.

– Да, в общем-то, логика правильная. Ну что ж, насколько я понимаю, нам теперь с вами вдвоем придется выбирать, мой путь лежит туда же.

Наскоро перекусив, Есин уложил поклажу, постелил сзади своего седла попону, посадил девушку и сел сам в седло. Он сказал:

– Держитесь, так как вам будет удобнее.

Она обхватила его обеими руками, и они двинулись в путь. Только теперь до Есина дошло, что они до сих пор не познакомились. Обратился к девушке:

– Мы с вами не познакомились. Я поручик Есин Алексей.

– Меня зовут Антонина, мой отец Терехин, он был владельцем кожевенного завода в Чите. Думаю, по известным Вам событиям, нам пришлось покинуть свое жилье и бежать от расправы. Так я оказалась здесь. Не знаю, как теперь дальше буду жить, ведь у меня больше никого нет, особенно в этих местах.

Она расплакалась навзрыд. Есин не стал ее успокаивать. Про себя он подумал: «Вот два существа, выброшенные судьбой из прошлой жизни и в этой никому не нужны, которым неизвестна собственная судьба в дальнейшем. Но нужно жить и я буду бороться за свою жизнь. Теперь, очевидно, придется бороться и за жизнь своей спутницы».

После небольшого привала днем двинулись дальше. Под вечер, облюбовав местечко в ложбинке двух пригорков, насобирали сучков, разожгли костер, приготовили ужин. Есин из полога соорудил палатку. Расседлав лошадь, стреножил ее, пустил пастись. Нарвав сухой травы, и расстелив под пологом попону, устроил место для ночлега. Долгий и утомительный путь сделал свое дело, и молодые люди быстро уснули. Через какое-то время поручик проснулся, и понял, что его спутница тоже не спит. Переживания прошедших дней

до предела напрягли нервы обоих молодых людей. Девушка сидела и тихо плакала, вздрагивая всем телом. Поручик сидел не подвижно, не зная, как поступить, что сказать, робко обнял ее за талию и прижал к себе. Тоня прильнула к нему всем телом, уткнувшись личиком ему в шею, которая от слез стала мокрой. Поручик стал гладить по головке и успокаивать её. Нервному напряжению молодых людей необходим был выход. Их душам, переполненным переживаниями, требовалась разрядка. Неожиданно для себя Тоня обеими руками взяла голову поручика и стала страстно целовать его губы, глаза. Сердце в её груди билось, как дикая птичка в клетке. Голова кружилась, и дышать стало трудно.

В первое мгновение поручик растерялся, но тут же, стал отвечать ей взаимностью. Как говорится, «не помня себя», они быстро разделись.

Алексея как будто окатило холодным душем, он почувствовал, что не в состоянии удовлетворить желание Тони. Тоня не поняла, что происходит. Интуитивно она взяла его руку и положила её на свою грудь. Алексей почувствовал своей ладонью нежную, небольшую грудь и набухший сосок. Его дыхание стало прерывистым, а всё тело обдало жаром, он провёл рукой по нежному девичьему животику и коснулся, мягких, как пушок волосиков. И в этот момент его мужская сила проявилась в полной мере. Тоня тот час почувствовала перемены у Алексея. Впуская его в себя, она тихонько ойкнула, и они слились в обоюдном экстазе. Их

страсть была настоль необычной, насколько горе их пережитое угнетало и давило их сознание. Их страсть продолжалась почти до полного изнеможения обоих. В конце концов, обнявшись они уснули. Новый день был уже в разгаре, когда Алексей проснулся и увидел, что Тоня сидя одевается. Она делала это осторожно, боясь разбудить Алексея.

– С добрым утром! Тонечка, как ты спала? То, что с нами сегодня произошло ночью, все случилось так неожиданно, я не знаю как к этому относится, что ты чувствуешь.

– Алешенька, дорогой, все хорошо, я счастлива, я чувствую, что полюбила тебя за это короткое время. Ведь теперь у меня ближе тебя никого нет.

Алексей поднялся на локоть, обнял Антонину и прошептал:

– Любимая, я чувствую тоже самое, теперь мы не расстанемся с тобой никогда. Я понял, что ты мне послана богом. И теперь нам не страшны никакие невзгоды. Давай любимая собираться.

Молодые люди оделись и стали собирать все свои пожитки. Наскоро позавтракали, оседлали лошадь и поехали, снова по дороге. Несмотря на то, что солнце стояло уже высоко, день не был таким жарким, на небе появились облака. Ложбина, по которой проходила дорога, загибалась вправо, уходила за сопку. Алексей почувствовал, что лошадь ведет себя беспокойно. Он стал всматриваться по сторонам, остановив лошадь, развернул ее в обратном направлении. Увидел,

что по дороге в их сторону движутся подводы. Беспокойство овладело обоих всадников. Алексей подумал: «По этой дороге оттуда с запада наверняка могут двигаться только такие же беженцы как мы». Предложил Тоне:

– Как думаешь, подождать нам их или спрятаться?

– Милый, если это хорошие люди, нам будет в компании гораздо спокойнее и веселее продолжать путь.

Алексей пришпорил лошадь, и они поскакали навстречу обозу. Действительно, это оказались люди, бежавшие от красного террора. Обоз остановился, состоялось знакомство. Четыре подводы, тарантас и полтора десятка вооруженных всадников, сопровождавших этот обоз. На подводах сидели женщины, дети. Навстречу Алексею подъехал уже немолодой человек, поздоровался и представился:

– Киреев Петр Иванович, как я понял молодые люди, тоже держите путь на Восток?

– Да этот так, – ответил Алексей. – Только вот в отличие от вас, получилось так, что мы остались в одиночестве, и практически случайно встретились в этом месте.

Киреев обратившись к своим людям, предложил:

– Давай устроим небольшой привал, минут на пятнадцать-двадцать.

Всадники соскочили с лошадей, женщины и дети покинули телеги и все расположились на небольшой полянке. Молодые люди поведали свои истории, а Киреев сказал:

– Я полагаю, что никто из наших не будет против, если вы

присоединитесь к нашей компании. Так и вам будет безопаснее, да и у нас появляется еще один ствол на всякий случай.

Вскоре все заняли свои места на телегах и лошадях, и обоз двинулся дальше. Огибая сопку, Антонина громко сказала, показывая рукой в сторону сопки:

– Смотрите, смотрите, там кто-то скачет.

Продолжая двигаться, все стали рассматривать что это. Было понятно, что это скачут всадники. Когда стало ясно между ними и обозом не более четверти версты, Тоня закричала:

– Это они, это они, те бандиты, которые ограбили и увели моих родных!

Петр Иванович громко скомандовал:

– Всем спрятаться за телеги, в ружье!

Обоз остановился, люди быстро соскочили с телег и залегли за ними на землю. Всадники с винтовками приготовились к отражению набега. Петр Иванович скомандовал:

– Стрелять по моей команде, цельтесь в гущу.

Слышны были крики, улюлюканье. Наконец, послышались выстрелы. Петр Иванович скомандовал: «Огонь!» Раздался дружный залп из восемнадцати стволов. Среди стрелявших были и три женщины. Среди нападавших несколько лошадей с всадниками упали, а остальные замешкались, раздался второй залп. Снова несколько лошадей упало с всадниками. Петр Иванович скомандовал:

– По лошадям, в погоню!

Трое из нападавших пытались ускакать, но пули пресле-

довавших настигли их. Нападавших оказалось двенадцать всадников. Среди них были совсем молодые. Один из бандитов не был ранен, но упавшая лошадь придавила ему ногу, и он не мог освободиться от нее. Подъехавшие спешились, освободили молодого разбойника. С обозом ехал проводник, бурят по имени Доржи. Он долгое время жил в Монголии и знал монгольский язык. Петр Иванович подозвал его и попросил:

– Пусть расскажет, где находятся пленники, которых пять дней тому назад здесь ограбили.

После недолгих переговоров, Доржи сказал Петру Ивановичу:

– Этот недоносок говорит, что всех пленных повезли в Китай, на продажу в рабство. Куда именно не знает.

Подобрав раненных и уцелевшего бандита, все направились к обозу. Раненым оказали медицинскую помощь. Их было трое. Отправились дальше. Путь лежал беженцев в Китай. Все добрались до границы Китая без дальнейших приключений. Дальше судьбы их складывались по-разному. Алексей и Тоня прожили долгую жизнь, которая была всякой. Были радости, горькие времена, но это уже другая история.

Мельница

Давно те времена канули влету. Ныне и следов то, однако, не найти. Древний старик, абориген здешних мест, от роду, по его словам, сто одиннадцатый десяток лет он разменял. Но как бы то ни было, его память сохранила события далёких лет полных чудес, трагедий и небылиц. До водяной мельницы, что была построена с незапамятных времён, в прилеске подступающем, вплотную к тайге, было вёрсты три, четыре не более, от большой по тем времена деревни Онохой. Которая стояла на не большом отдалении, от, крутого берега быстрой и временами полноводной реки под названием Уда. В народе мельницу называли Казимировой. Об этой мельнице ходили, среди селян разные страшные небылицы, и легенды, связанные, как с самой мельницей, так и заводью образованной платиной. В какие годы это было ни кто уж и не помнит. Только в те далёкие годы, когда и деды, то ещё не родились, появился в здешних местах обоз из двух подвод с тремя мужиками, вроде как беглыми разбойниками. В деревне селиться не стали, а подались ближе к тайге, облюбовали полянку на взгорке, в том месте протекал большой горный ручей, тут поляна то рассекалась большим оврагом. Взялись они этот овраг, на его исходе, плотиной перегораживать. Всё лето трудились рук не покладая, а пришла зима рубили отборные лиственницы и брёвна возили для постройки

ки мельницы, амбаров да домов для житья. В этот же год построили добротную мельницу. Мужики оказались мастерами на все руки, сами изготовили и установили две пары больших жерновов, которые крутило большое водяное колесо. Шум плиц было слышно за версту, а то и более. Жернова разной зернистости мололи зерно на муку разных сортов. Не прошло и двух лет, как потянулись к мельнице из разных деревень подводы с зерном. Мололи из расчёта мешок зерна за два мешка муки, такой расчёт всех устраивал. Мельник со своими сотоварищами быстро, богатели, и молва о них разнеслась, по всей Бурятии. Которые помоложе, быстро обзавелись женами, да ребяtnей. Жили своими семьями, каждый своим двором, добротно, зажиточно. Только Казимир в бобылях ходил. Свою жену схоронил, когда жил еще в Питербурге. Там остались его сын с дочерью, жили они с его сестрой и его старушкой матерью. Сам то, мужик он был видный, в плечах сажень, росту высокого ручищи, что лопаты, в работе равных себе не знал. В руках у него всё кипело, за какое дело не возьмётся, всё получается, ладно. Грамоте и математике был хорошо обучен. Сподвижники его настрогали детворы, так он их обучал всему, что сам знал. Трудился каждый пацан, с малолетства. Росла молодёжь, крепкой и здоровой.

Про хозяина мельницы ходили слухи, будто водится он с лешим, который, живёт у него дома, по тому де к себе никого не допускает. А ещё якшается он с русалкой, которую,

якобы видели в полнолуние на плотине, куда она приплывала на свидание к Казимиру. Заводь перед плотиной образовалась большая и глубокая, более пяти сажен, вглубь, по берегам заросла рогозом. К воде ни кто и не ходил, а если надо было, то спускались ниже плотины, и то пользовали её с опаской. Про русалку толки ходили не на пустом месте. Как то в летнюю пору ночью при полной луне молодой мужик с девчиной сидели на мостке что устроен через плотину обнимались да миловались как глядь из-за плакучей ивы плывёт кто-то, голова от луны серебрится волосы по воде длиннющие и ни единым звуком себя не выдаёт, охнула девица вскочила и опрометью с плотины, за ней не отстал и ухажер. Прибежали к своим, глаза большие, запыхались руками показывают на заводь и испуганно бормочут: «Она там, там русалка плавает, хотела нас к себе, и давай усердно креститься». Нашёлся мужичёк любитель пошутить: «Ента, люди добрыя от любовного запала у их в глазах то, дорожка, от луны то, за русалку примерещилась». Как бы то ни было, но опаска у людей с тех пор не проходила. А уж когда пацаны, которые возвращались из тайги, куда ходили за серой, собирали с коры листовенниц старую отвердевшую смолу и жевали её Прибежали в деревню и рассказали, как любопытство их, чуть жизни им не стоило, то уж тут, то и вовсе по деревням пошли слухи да догадки о чём-то не чистом на мельнице. А пацаны, это два брата, из Онохоя сыновья Двоглазова Валентина Егоровича, из тайги вышли к мельнице, день уже к

вечеру склонялся, который постарше Витяй, младшенькому Вовке, говорит:

– Давай ка к Казимирычу зайдём, спросим про русалку, может врут всё.

Вовка согласился:

– Только сначала в оконце заглянем, а уж тодысь подём к ему.

Так ребяташки и сделали, осторожно чтоб не шуметь, по-добрались к окну и заглянули, а в хате супротив окна стоит девица с распущенными до колен волосами, как лён белёсыми, совсем нагая и руки сжала у груди, Козимирыч перед ней на коленях, и с ружьём в руках. Вовка прошептал: «Русалка». Витяй ойкнул, схватил брата за рукав и бросился бежать, Вовка споткнулся, упал, соскочил и гонимый страхом побежал за старшим, услышав шум, собаки принялись лаять и кинулись вдогонку за беглецами. Каземирыч выскочил на улицу, увидел удирающих пацанов, выстрелил в воздух, чем ещё больше нагнал страха на ребят, позвал собак. Он постоял некоторое время на крыльце, думая, видели ребята сцену в хате, али нет? Ели видели, домыслов прибавится ещё больше, что же мне делать с Еленушкой-то со своей горемычной зазнобушкой. Полюбили они друг друга, он в опале у царских чиновников, она дочь знатного вельможи, о женитьбе и речи быть не могло. Любовь двух пылких сердец обрекла их на мучения и страдания. Обвенчать их ни кто не соглашался, им приходилось прятаться от преследо-

ваний. Теперь же уехав в такую даль от Санктпитебургга, им и здесь не было покоя. Раскрыться, значит рано или поздно узнают родители её и не миновать разлуки, ему в бега придётся податься, а её увезут в родительский дом. Так и мыкались, скрывалась Елена от людей. Время же не стоит на месте, годы брали своё, Не дожив до тридцати годов горемычную свалила лихорадка. Как померла, схоронил Казимирыч свою Еленушку на деревенском погосте, привезли из города попа, отпел он усопшую, как положено. Казимирыч шибко печалился по своей возлюбленной, так промаялся несколько годков и помер спокойно во сне. На второй день нашли его, и упокоили рядом, с его ненаглядной. Подъезжая к мельнице, мужики, крестились и имели иконки при себе, на случай не чистой силы, которая колесо мельницы, и жернова крутит. Страшились, но ехали, без хлеба, то ни куда, а мука у Казимирыча была отменного сорта, опять же леший то помогут. Так уже второе поколение на выданье пошло. К тому времени, посаженные Казимирычем, саженцы, сосны, у воды ивы да берёзы, во дворах и около мельницы, рябины с черёмухой, выросли во весь могучий рост и образовали большой прилесок, укрывший под своей кроной все постройки. Пришло лихое время, старики то уж на покое, по печам лежали, как нагрянули, жандармы с солдатами, кого в арест взяли, кого в рекруты увели, девок в город направили по госпиталям, малолеток, по деревням разобрали. Ни кого не оставили ни старых, ни малых Когда арестованных, погрузили на подво-

ды, с собой им разрешили взять харчей, да кой какой одежды. На удивление среди них не было ни паники, ни истерик, вели себя достойно, стараясь держаться друг друга посемейно. Полицейский чин, на гнедой армейской лошади, распорядился, детей малых не брать, а мельницу и дома сжечь. Пока шли аресты, да погрузка на подводы, крестьяне из близ лежащих деревень, своими подводами заполнили всё свободное, у мельницы пространство. Матери без звучно лили слёзы, прощаясь со своими детьми, отцы обращались к крестьянам, братцы не оставьте сиротами детишек наших, нет на них грехов то, да и наши души без грешны. Да и то верно арестованное поколение жило достойно в трудах и в согласии с законами божьими. Услышав такое распоряжение, крестьяне, заволновались и двинулись просьбой к офицеру, окружили его выкрикивая на перебой, что, мол никак нельзя их лишать мельницы. Подъехал армейский офицер, приблизившись в плотную, к полицейскому, сказал:

– Это вы зря, такого распоряжения не было, генерал-губернатор, будет очень не доволен подумайте, чем это может обернуться для вас.

– Да кто же ему о сём доложит-то?

– Я, милостивый государь, и доложу, непременно в тот же день, по приезде в город. Ну, коли так, так ведь и взаправду не было такого повеления, разве, что Горецкий, ну да пушай сам и решает свои претензии.

К полудню обоз тронулся в дорогу, бабы и девки, на под-

водах, мужики и парни, скованные цепями за ними. Обоз сопровождали полицейские. Армейский офицер с солдатами остались до утра, им предстояло всю живность реквизировать в пользу армии, прихватили кое-что, и из хозяйского скарба. Деревенские разобрали плачущую детвору и разъехались по домам, хозяйки их приняли сирот с сочувствием и с болью в сердцах слушали рассказы своих мужей и сыновей, несколько крестьянских семей пополнилось неожиданными ртами. Пахом Лукашин привёз домой девочку лет шести, волосы рыжие, светлые, как языки пламени, личико в конопущках, как в светлячках, в больших голубых глазах, блестят слёзы. Жена его Дарья, узнав, что Пахом привёл в дом сироту, запричитала:

– Похомушка, что ж ты, окоянный делаешь то, своих ртов семеро, ещё восьмым хожу, куда же нам то прокормить всех разве ж можно?

В это время в избе находился, зашедший по делам Двоглазов Валентин Егорович, ты вот что шибко то, не голоси, обратился он к Дарье, это рыжее счастье к нашему двору в самый раз, так что, не печальтесь.

– Как тебя звать то, солнышко? – присев перед девочкой спросил Двоглазов. Подняв головку ответила:

– Так и зовут, Солнышко, бабаня завсегда так звала.

– Ну и ладно так уж мы будем тебя называть. Хочу тебя в дочку взять, это как играть чёли?

Глядя заплаканными глазами на Двоглазова, спросила:

– Оксанка Беляева, у Иннокентия и матери Тамары, она была одна. Детей у них больше не было по причине их молодости. Нет, не играть, а заправду, по-настоящему будет у тебя два братика, старший Витя, семи лет, младшенький Вова шести лет, а тебе сколь годков-то? – девочка растопырела пальчики сказала, во сколь.

Так в семье Двоглазовых появилось это прелесное создание. По деревням долго ещё ходили перетолки, бабы, лузгая семечки, сидя на заваленках, судачили, мол де это всё сговор русалки с лешим, чем то видать не угодили отшельники, им, вот и навели на них гнев воеводы то. Мужики между делами на перекурах, толковали обстоятельно, мол, грехи видать за ними водились, это ж понятно, токо разве это за стариками, так ить спрос то с их и надоть востребовать то, а молодь то не причём, особо девки то, им ба замуж да дитёв рожать, уж больно хороши были. Вот судьба-злодейка жили, не тужили, и нате вам в раз всё прахом. Этот-то год запаслись мукой, дальше то как, мельница без глазу осталась, в упадок пойдёт, а без неё, ни как нельзя. Вспоминали времена, когда в здешних местах не было мельницы, молоть ездили обозами в город на мельницу к Горецкому, очереди простаивали неделями, а в уплату мельник брал с половины, да и молот то лишь бы быстрее. Кое-кто высказывал соображения, не из за городского ли мельника, эта напасть-то. Поселение у мельницы всю зиму пустовало. Дворы, постройки замело снегом, зима выдалась сильно снежная с частыми выюгами и метеля-

ми. К мельнице ни кто не ездил, однако в деревне знали, что и как там, что ни кто не балует. Странное это явление, ни кто не ездит, ни кто не видит, а все, всё знают, и помалкивают. Так с тех пор, и пустует это проклятое место. Однажды, уж перед самой посевной, по деревне разнёсся слух, мол, кто то, ранним утром верхом проехал к мельнице, человек не знакомый, не местный. Тут же снарядили трёх верховых, один с ружьем, двое с топорами. Вернулись за полдень, всё спокойно, он, видать, в сторону свернул. Так на этом разговоры про это и закончились, хотя и знали, что было на самом деле. А было, то, что спасли мужики мельницу. Не доезжая до мельницы все троя, спешили, привязали коней к деревьям, и осторожно направились к мельнице, на подходе к ней увидели, как какой-то человек, поджигает хворост у стены мельницы, огонь уже занялся, когда этот человек понёс хворост вовнутрь мельницы. Хозяин ружья, быстро вскинул берданку, с которой ходил на медведя, крикнули: «Эй!» И выстрелил, нёсший хворост, оглянулся и тут же упал замертво. Мужики, затушили огонь, молча, отнесли тело подальше от этого места и похоронили поджигателя. Так же молча, приехали в деревню и разошлись по домам.

Ещё много лет служила эта мельница людям, но это другая история.

В стогу

Забайкальские зимы суровы. Много снега и частые метели создают путникам различные неприятности, а зачастую и смертельные. И эта зима не была исключением, Верхнеудинск все деревни и улусы завалило снегом, иные дома и юрты снег покрыл с крышей. Нередко люди без посторонней помощи не могли выйти из своих жилищ. В городе улицы заметены глубоким снегом, по центру их наезжены лошадьми и санями накатанные дороги, а вдоль домов протоптаны узкие проходы. Люди при встрече с трудом уступают друг другу дорогу. Дворники убирают снег около немногих присутственных учреждений.

Начало ноября выдалось относительно спокойным, снегопада не было уже недели две. Наезженные санные дороги почти не заматались небольшими полудёнными выюгами.

С рассветом из Верхнеудинска выехали на розвальнях три путника, кучер приехавший в город из степного улуса, уже не молодой бурят, девушка лет шестнадцати ехала, в гости к бабушке в деревню и юноша небритый, с мягкой ещё бородкой и усиками, отправился на зимнюю охоту к своему другу. Крепкая лошадка, бодро перебирая ногами, увозила их в обширные просторы Прибайкальских степей. Давно скрылся из вида город. Впереди лежал путь длиною в целый день с остановкой, чтобы покормить лошадь. Край тайги и дорога

вдали растворялись в снежном мареве. Ехали, молча, каждый пустился в этот путь по своим делам. Когда лошадь сбавила ход, кучер обернулся к закутаным в большой, дорожный овчинный, тулуп путникам и проговорил:

– Оно вот чё, однако, скоро будет большой снег, плохо, однако будет, лошадь-то может встать. Тогда большой беда может быть. И действительно минут через тридцать они въехали в снежную стену, видимость резко ухудшилась. Лошадка с трудом тащила розвальни по свежему снегу, и чем дальше они углублялись в снежную, мглу тем труднее пробивалась лошадь по рыхлому снегу, сани проваливались, вконец выбившаяся из сил лошадь встала:

– Теперь всё. Дальше не пойдёт надо дать сена, овса здесь будет стоять, вы сидите. Я пойду искать, недалеко живёт коновод Хардын. Приходим за вами, здесь сидите. Распорядился Долнат.

Дав корм лошади, он забрал котомку из сыромятной кожи и скоро скрылся в снежной завесе.

Закутаным, в тулуп, укрытым снегом, путникам было тепло и безопасно. Девушка спросила:

– Тебя, как звать то?

– Вадим, я Белобородов, может, слыхала?

– Не а, не слыхала. А как ты думаешь, когда он придёт?

– Да кто его знает, может и вовсе не появится, может заблудиться.

В тишине и тепле, прижавшись, друг к другу юные созда-

ния уснули. Первым, от холода проснулся Вадим, потеряв девушку, спросил:

– Тебе не холодно?

Очнувшись ото сна, она не сразу поняла, где находится и, что происходит, сообразив, в чём дело, ответила:

– Что-то и заправка стало холодно.

Снег перестал укутывать всё вокруг своим покрывалом. На землю теперь опустился тридцати градусный мороз.

Вадим обратился к девушке:

– Ты не сказала, как твоё имя.

– Я то? Света меня звать-то.

– Нужно выбираться на белый свет, а то замёрзнем, теперь только движение спасёт нас, давай вставай.

Но это оказалось не так то, просто сделать, сверху лежал толстый слой снега, когда они выбрались наружу, то увидели нерадостную картину. Стояла спокойная морозная вечерняя пора, луна скупно посылала свой свет сквозь марево неба. Сколько охватывал взор, вокруг простиралась снежная равнина, слева угадывался вдалеке тёмной полосой лес. Лошадь, укрытая покрывалом снега, мирно спала стоя. Мороз принялся за своё коварное дело, жалил щёки и лоб, они от снега были мокрыми, Света достала из своей котомки головной платок, которым оба протёрли досуха лица. Ощущение мороза стало терпимее.

Вадим рассупонил хомут и снял дугу. Освободив через сидельник, оглобли упали в снег. Так лошади будет легче,

решил он.

– Значит так, Света, вещей берём, как можно меньше. Тулуп придётся взять. По моим подсчётам, учитывая время в пути, где-то недалеко находится, небольшая деревня Улунтук. Это куда мне и нужно, я там, у друга осенью оставил ружьё и снаряжение. Сейчас тихая морозная ночь и мы можем услышать звуки деревни, за несколько километров. Так же можно увидеть дым из труб, он столбами поднимается высоко в небо. Так что пошли. И они тронулись в неизвестность.

– Мне страшно, мы наверно замёрзнем – дрожащим голосом произнесла Света.

Мороз действительно крепчал, забирался под одежду. Несмотря на овчинные рукавицы, руки коченели, начинали мёрзнуть и ноги. Идти было очень трудно, глубокий снег не ровил попасть в валенки. Спасало то, что он был свежим и легко рассекался валенками при ходьбе. Вскоре стало идти легче, они вышли на санную дорогу. Твёрдая наезженная колея давала возможность идти более уверенно и быстрее. Через короткое время ходьбы путники согрелись и теперь, их настроение улучшилось. Появилась уверенность.

Вадим волоком тащил тулуп, в результате дополнительная нагрузка вынуждала его организм вырабатывать больше тепла. И когда Света пожаловалась, что не может согреть руки, они остановились.

Вадим оглянулся и увидел лошадь, она шла следом за ними. Лошадь прошла мимо них и остановилась.

Вывернув рукавички Светланы мехом наружу, Вадим засунул их себе за пазуху, а руки они засунули друг другу в рукава и когда руки Светы согрелись, Вадим достал её рукавички вывернул их снова мехом внутрь, одел ей на руки.

Как только они тронулись, лошадь пошла впереди. Как бы прокладывая дорогу.

Теперь они шли не так быстро. Берегли силы.

Вадим достал из заплечного мешка несколько, магазинных, сухарей дал, Свете и они стали, не спеша, их грызть. Подкрепившись, идти стало веселее. Но сил становилось всё меньше. Света остановилась, чтоб перевести дух.

В стороне увидела силуэт похожий на дом, она закричала:
– Вадим! Дом, вон дом!

Вадим остановился, посмотрел, куда показывала рукой Светлана, и сразу понял, это не дом, это огромный стог сена. «Это наше спасение» – подумал он. Свете же сказала:

– Ну вот, а ты боялась, теперь нас пустят на ночлег.

Лошадка, как будто поняла их, свернула в сторону стога.

Проваливаясь по колено в снегу, они направились к стогу, когда Света поняла, что это, она разочарованно произнесла:

– Зачем ты меня обманываешь, теперь обратно вылезать надоть.

Вадим махнул рукой:

– Пойдём, пойдём, увидишь, что я не обманывал.

Преодолев метров триста снежного сопротивления, подошли к огромному стогу сена с его торца.

На бровях, и ресницах, на шапках вокруг лиц, большими хлопьями лежала изморозь, обоим было жарко, мороз не чувствовался. Сложив принесённое у края стога, присели на тулуп.

– Минут пять на отдых, – сказал Вадим.

Вскоре принялись за нелёгкую и изнурительную работу, нужно проделать в сене лаз, а там, в глубине устроить просторное место для ночлега.

Сено в стоге уложено плотно, что бы проделать лаз нужно голыми руками, совывая пальцы в промёрзшую со снегом массу сена ухватить клочок его, побольше и, выдрав, отбросить и снова продолжать это мучительное занятие, пока не будет достигнута цель, укрытие, где можно будет переночевать в тепле. От сена со снегом руки моментально становятся мокрыми, а мороз, не теряя времени, промораживает пальцы до нестерпимой боли, приходится, выдрав два-три куска сена прятать руки себе в шубу под мышки, согревать их.

И так раз за разом всё дальше и уже на расстоянии примерно метра руки перестают так сильно мёрзнуть, но теперь появилась сложность выбираться из лаза назад и вновь становится жарко. Света от боли в руках заплакала, пришлось освободить её от этих пыток. Когда же сено перестало морозить руки Свету, пришлось использовать для вытаскивания сена изнутри, она забиралась в лаз, хватывала обеими руками сено, и Вадим вытаскивал её за ноги. Так они углубились метра на два. После чего, сняв шубу, Вадим забрался внутрь

и, с большим трудом проталкивая клочки сена под себя, затем в, проделанный ими лаз, высвободил достаточное место, в котором с трудом развернулся, теперь, вырывая клочки сена, выталкивал их из лаза, Света убирала в сторону. Вадиму было жарко, как в бане, сено заползло за воротник в рукава рубашки, колело и раздражало кожу, но теперь стало очевидно: ночлег будет. Свете же стало холодно и её положение осложнялось тем, что, работая в стогу, она вспотела, и бельё на её теле было влажным. А при таком положении, на морозе согреться невозможно.

Стуча зубами от холода, она крикнула Вадиму:

– Ва-ва-дим, я-я за-мёрзла!

Внутри было уже достаточно места для двоих:

– Лезь сюда! – крикнул он ей.

Но она уже пробиралась к нему, когда он нащупал её и обнаружил, что она в шубе, велел снять её.

– Здесь тепло, без шубы ты быстрее согреешься.

С большим трудом она сняла шубу и свернулась калачиком, обняв колени руками. Внутри было совершенно темно и ничего не было видно. Вадим ещё долго продолжал расширять пространство на ощупь, он тщательно на всю глубину закрыл входное отверстие. Закончил трудиться когда, можно стало свободно сидеть и вытянуться лёжа вдоль и поперёк. Работал он, молча, только сопел и пыхтел, под конец выбился из сил и стал весь мокрым от пота. – Теперь всё, готово! – сказал он не громко, благоустоимся перекусим и спать.

После недолгого отдыха, стряхнув снег он, затащил внутрь свою шубу, не без труда тулуп, свою и Светину котомки, Расстелил тулуп, достал из котомки фонарик, осветил кругом, Свете посоветовал не сидеть без движения:

– Нужно хорошо согреться самой здесь, достаточно тепло, когда согреются тулуп и шубы станет жарко, это точно, проверено. И действительно, первые морозы не проникли вглубь стога, а земля под ним отдавала ему летнее тепло.

Дав Свете фонарик, достал из котомки хлеб, отварное мясо и туюсок с чаем, Света в свою очередь достала сварённые яйца, домашний сыр и соль, все продукты оказались прилично примороженными. Охотничьим ножом, Вадим, скорее разломал, чем разрезал, на куски хлеб, мясо и сыр, яйца промёрзли насквозь, меньше всех остыл чай, с молоком и мёдом он устоял против мороза. Достав спиртовку, Вадим зажёг её, и налив в большую кружку чай поставил его разогреваться. Пока ели Светлана отогрелась, от выпитого чая, обоих стало клонить ко сну. Убрали еду.

– К утру всё согреется, – молвил Вадим.

– А теперь значит так, с морозом шутки плохи, на теле всё должно быть сухим, поэтому раздеться нужно полностью и одежду разложить так чтобы к утру просохла, на себе оставлять нельзя ничего, в темноте, как слепой, так что стеснятся нечего.

Вадим разделся, и смертельно уставший быстро уснул. Светлана, какое-то время сидела в нерешительности, но,

вспомнив, как она мёрзла час назад, медленно разделась, по возможности разложила ещё влажное бельё, трусики положила рядом с головой. Укрывшись своей шубой, легла.

На разложенном во всю ширину тулупе, было просторно, и между ними мог поместиться ещё человек. Засыпая, Света, слышала, как Вадим негромко стонал, «наверно страшный сон видит» подумала она засыпая. У основания лаза стояли котомки, на одной из них, Вадим положил фонарик, о чём сказал Светлане.

Спали оба крепко. Когда стало жарко, во сне сбросили с себя шубы.

Вадима, не особенно беспокоило присутствие сена под собой, Другое дело Светлана: она, как принцесса на горошине, часто ворочалась с боку на бок, стараясь избавиться от причиняющих ей неудобства травинки.

Попавший под неё довольно грубый стебелёк разбудил её, пошарив рукой она не нашла его. Взяла фонарик и включила его, посветив на своё ложе, собрала всё, что ей мешало и, убирая их в сторону, нечаянно навела луч на Вадима. Он лежал на спине и ровно дышал. Её взгляд, остановился на каком то, предмете, торчавшем у него ниже живота. Спросонья она сначала не поняла что это, выключив фонарик, хотела положить его на место, вдруг её бросило в жар, от возникшей догадки по поводу торчавшего предмета. Света, легла, не выпуская фонарика из рук, сон пропал, его место заняло тревожное любопытство, некоторое время она боролась с

соблазном разглядеть что там, у Вадима, ей не приходилось раньше видеть мужской член. Наконец она решилась, включила фонарик и, приблизившись к тому, что увидела, мельком, стала рассматривать напряжённый член, его строение наполненная энергией головка, возбудили в ней неизвестное ранее волнение и желание потрогать это творение природы. Легонько указательным пальчиком дотронулась до головки и провела им вниз, почувствовала исходящий от него жар, так, по крайней мере, ей показалась. Теперь по её телу пробежала мелкая дрожь, она почувствовала, как её тело наливается изнутри теплом, кровь стучала в висках, её соски набухли и вагина, наполнилась влагой желания. Она выключила свет, уронила фонарик и упала на своё место на спину, сунула ладошку между своих ног, прижала её к влажной, напряжённой и слегка набухшей своей прелестнице. Светлана, взбудораженная пережитым, долго не могла уснуть, во сне она негромко стонала и вздрагивала. Её тело не могло найти место и положение на лохматом ложе.

Вадим почувствовал, напряжение своего члена, проснулся, повернулся на правый бок, спиной к девушке, стал засыпать.

Света со спины перевернулась на левый бок, почувствовав прикосновение к ноге Вадима, от неожиданности замерла, щёки её горели, дыхание перехватывало, в голове стучала мысль, «что, делать, что делать?». Страх боролся с всё больше возрастающим желанием, того, что она видела и трогала.

Осторожно подняв колено и придвинувшись к Вадиму, медленно положила свою ногу на его ногу.

Вадим слегка вздрогнул и повернулся на другой бок, член упёрся, Свете в нежный мягкий живот. Света замерла, почувствовав как упругий, горячий член давит ей на живот. Теперь они оба не спали. От близости девушки, её прикосновения, Вадимом овладело и расплылось по всему телу желание ещё больше приблизиться к ней, обнять, её и слиться с ней в одно целое. Дыхание его стало прерывистым, дрожь выдавала его напряжение, которое передалось и Свете, невольно она прижалась к нему, прикоснулась, набухшими сосочками к его груди. Дышать стало трудно. Мысли обоих были направлены только на внутреннее их состояние. Оба страстно хотели познать не изведенное ими, оба горели желанием слиться в одно единое целое.

Вадим выпрямился и прижался к девушке. Света слегка отстранилась и подняла правую ножку, пропустив, жаждущего нетерпивца, к своей, не менее жаждущей плоти. Вадим почувствовал, как, головка его члена погружается в тёплую плоть. Света вздрогнула и не громко ойкнула. Оба на мгновение замерли. Молодые люди горели в огне страсти в ожидании чего-то необычного и так желаемого. Вадим слегка отстранился назад, двигая, своего нетерпивца по мягкой и податливой плоти чувствуя всё большее возбуждение. Света притихла. Всё внимание её сосредоточилось на ощущении, которое она испытывала. Всё большая страсть, охваты-

вала их обоих. Вадим полностью отдался новым ощущениям, Света слегка подыгрывала ему, делая встречные движения. Когда в очередной раз Вадим, вошел под самый корень, то почувствовал, что уперся во что то, твердое. Света вздрогнула и, задрожав, застонала, внутри её прорезался огонь, он вырвался, причиняя ей страх и восторг. Вадим, почти одновременно с ней почувствовал, как боль и жжение прорезают его плоть. Прижав Светлану с силой к себе, ощутил радость и облегчение. Светлана, постепенно успокаивалась, почувствовала какое то, новое радостное состояние во всём теле. Они лежали, плотно прижавшись, друг к другу. Не заметно уснули спокойным и крепким сном.

Первой проснулась Света. Вадим спал, откинувшись на спину. Света чувствовала, что её с новой силой разжигает желание повторить пережитое, нащупав живот Вадима, она опустила руку и взяла в неё дремавшего «демона». Вадим проснулся, и тут же проснулся в руке Светы его пенис. Девушка, чувствовала, как он наливается силой, как становится тем, чего она жаждет.

Вадим повернулся к ней, обнял и стал крепко целовать её в губы в шею, опустившись ниже, страстно целовал её груди, набухшие сосочки: страсть с новой силой наполнила всё его тело. Задохнувшись, он почувствовал, как входит в плоть девушки, восторг наполнял его сознание. Светлана обхватила его за шею, прижала к себе, её переполняла радость, она чувствовала его внутри себя, он двигался, там в ней, и ей бы-

ло очень хорошо. Когда он почти вынул его, Светлана прошептала:

– Так, милый, ещё только совсем не вынимай.

И при каждом таком моменте, она тихонько ойкала и трепетала. Светлана, вскрикнула, затряслась и улыбнулась, слёзы радости текли из её глаз, но Вадим, ни слёз, ни улыбки видеть не мог, почувствовав оргазм Светы и пульсацию внутри её, он ощутил острое жжение и боль, застонал. Света обхватив его за ягодицы, прижала к себе, сказала:

– Милый, не торопись, побудь во мне.

Расслабившись оба лёжа на спине, продолжали переживать сладостные мгновения.

Отдохнув какое-то время Вадим, с трудом проделал не большое отверстие в лазе, через которое было видно, уже настал день.

– Светик, давай собираться, уже светло.

Включив фонарик. Посмотрели друг на друга.

– Ой! Вадька, какая я счастливая, не знаю почему. Запомню теперячи эту ночь на всю мою жизнь.

– Мне тоже не забыть первую свою ночь с девушкой.

– Ты чё хош сказать, что я у тебя первая.

– Так оно и есть.

– Тоды я в двойне счастливая.

Разговаривая, они одевались во всё сухое и, это тоже было приятно. Когда они стали вскрывать лаз, снаружи слышались голоса,

– Коли в стогу, значит, живы!

Это их кучер со своим товарищем нашли их по, несильно занесённым следам.

Выбравшись на белый свет, увидели сани лошадей, поздоровались со своими спасателями. Сели в сани и лошадки, понукаемые кучером лениво тронулись. Первой доехала до своего места Света. Пока кучер ходил по своим делам юные создания распрощались ни чего, друг другу не обещая. Вадим оставшуюся дорогу переживал эту ночь в стогу.

Кяхта

Летний не жаркий день. У привязи стоят понурые лошади, лениво помахивая хвостами и трясая головой, отгоняют оводов и слепней. К дверям трактира «Улан-Кяхта» проложен тротуар из сосновых досок. Над дверью вывеска, сообщающая о кабинках и гостиных номерах, «только для приезжих». Этот, приграничный, захолустный городок, в основном, из деревянных домов, грязных и пыльных улиц, с деревянными тротуарами, расположился на границе России и Монголии. Внутри питейного заведения висит сизый дымок от табака и сигар. Проворные официанты в хромовых, начищенных сапогах, синих шароварах и красных косоворотках с полотенцем на руке ловко бегают между столами. Коих в зале стоит не менее двух десятков. Посетители сидели почти за всеми столиками, и создавали не громкий монотонный шум в котором, слышался звон бокалов и глухие звуки пивных кружек.

В левом, дальнем углу, на небольшой сценке стоя старый рояль, который издавал звуки тоскливого мотива, сухоща-вый пианист преклонных лет, откинувшись назад и закрыв глаза, лениво перебирал пальцами потёртые от времени клавиши. Вдоль задней стены располагалось несколько кабинок, занавешенных тяжёлыми шторами, меблированные, дубовыми столами, мягкими стульями и диваном. На стене в ра-

ме висит картина, на столе, хрустальный графин с четырьмя стаканами. С потолка свисает пяти дюймовая керосиновая лампа, а на противоположных стенах бронзовые бра на две свечи каждая. В одной из таких кабинок сидели напротив друг друга мужчины, лет по тридцати. Старые, Московские, школьные друзья, случайно встретились у входа в это заведение. Поведение их выдавало радость неожиданной встречи в такой далёкой, от родных мест глуши. Александр выше ростом, геолог по профессии и призванию, направлялся из Верхнеудинска в Монголию. Второй, Павел, по торговой части купечествовал со своим отцом и старшим братом, наоборот, из Монголии в Верхнеудинск. Друзья не виделись много лет, с тех пор, как, закончив, гимназию, разъехались, Александр в Петербург, учиться на геолога, Павел с отцом подались в Сибирь. Заказав комнату на ночь, потребовали у полового отдельную кабинку, которую и заняли, официант появился тут же, не успели они и устроиться. Выпив по стопке, крепкой и закусив, отменного посола байкальским омулем, отдались воспоминаниям прошлых лет. Разговор их разгорался всё больше по мере употребления горячительного напитка. Больше рассказывал Александр о своих походах с геологической партией. А когда услышал от Павла, что тот в скором времени отъезжает в Москву, а потом и в Петроград. Помолчал немного, и обратился с просьбой:

– Павлуша, знаю тебя, сколь себя помню, потому намерен доверить тебе большую, свою тайну, и просить испол-

нить поручение, важное, и ответственное. Найдёшь ли для меня время?

– Говори чего надо, исполню всё в точности, не пожалею сил ни времени.

– Вот слушай, расскажу тебе вначале не большую, свою историю. Прошлый год задача была пройти по тайге, где человек ещё не ходил, по причине её непроходимости. А причина идти была серьёзная, вот и приняли решение, пуститься по горной реке. В те места охотники зимой, по льду ходили и то только самые отчаянные, но зато пушнины добывали хорошо, У нас же дела можно делать только летом, по тому заказали три хороших лодки, к лету они были готовы. Снарядились, чем необходимо, в двух лодках по два человека сели, третью гружёную продовольствием, инструментом и прочим, на буксире привязали. Местные охотники нам подробно рассказали об этой реке, о её непредсказуемом и опасном нраве. По их приметам составили, как смогли карту, да и отправились в плавание. Карта эта сильно нам помогла, в основном спускаться было не шибко опасно. Только в одном месте, пришлось помучиться. Из-за мелководья и сплошных порогов, пришлось таскать всё на себе. Плохо приходилось, когда попадали в грозу. Однажды чуть было не смыло нас, сильно разлившимся потоком. Где-то, в верховьях прошла сильная гроза. Вот река и вздулась. В соседней кабине в одиночестве коротала, время молодая женщина по причине громкого разговора между друзьями, она невольно

слышала предмет их бесед.

– Ну вот, Павлуша, теперь о самом деле, на одной из стоянок, ранним утром, как только солнце начало всходить, мне на газа, попали какие-то отблески между деревьев. Солнечные лучи отражались от чего-то. Когда подошёл, увидел, сквозь мох пробивается родничёк, водица как слеза. Лучик то света и отражается от него. Подставил ладошку, водичка холодная и на вкус отличная. Хотел было уходить. Но тут мой взор привлекло, то место, куда вода родничка падала, там отражалось, что то, желтое. Запустил я туда руку, пальцами чувствую песок, ну достал немного. Глядь, а это золото, золотой, знаешь ли песок. Нагнулся, отогнул мох, так может четверть сажень, да и обмер, там меж камней сплошной жёлтый песок. С собой пробирка была, набрал в неё песочку, чувствую вес. Когда вернулись в Верхнееудинск, сделал анализ, оказалось хорошей чистоты золотишко-то. Про то знаю я один, до тебя ни кому не говорил.

– А дело, Павлуша, складывается, значит, таким образом. Золотишко-то надобно брать, – продолжал Александр. – Прежде всего размах должен быть серьёзный. Для того средства нужны не малые. Да и рука должна быть твёрдой и иметь серьёзную, где надо поддержку. Вот, а у меня значит на всё это кишка, понимаешь, тонка. В Питере-то есть дальний родственник, человек с головой, ума палата. Дела умеет большие делать. У него и на самом верху опереться есть на кого. Я же по долгу службы ехать ни как не могу. Какой-ли-

бо отпуск взять, причины нет. Так что остаётся только одно отправить известие ему о находке с оказией. А кому такое дело то можно доверить? Сам знаешь. Получается, значит по всем признакам надежда только на тебя. Возьмешься или как? Твоё участие тоже будет принято во внимание. Войдёшь в дело.

– Дело ответственное, просто так браться за него опрометчиво. В раздумье ответил Павел. – Ты дай мне день, другой подумать.

– Нету, этого дня, Павлуша. Наутро, заказаны экипажи. Отъезд отменить ни как не получится. Давай думать вместе сегодня в номере.

Закончили трапезничать уже поздним вечером. В гостиничном номере обсудили, что да как, Александр подробно рассказал на словах нужные детали дела. Написал своему родственнику письмо. Приложил от руки начерченную карту и протянул Павлу.

– Нет Саша, ты вложи всё в конверт да запечатай, так мне будет спокойнее. Так и сделали. Письмо Павел вложил в потайной карман своего сюртука. Легли спать далеко за полночь. Рано утром Александр попрощавшись, уехал со своими товарищами в Монголию. Встал Павел в одиннадцатом часу утра. Привёл себя, в порядок, и спустился в харчевню. Занял вчерашний номер. Заказал завтрак. Только приступил к еде, как шторы медленно раздвинулись, и перед глазами Павла возникло видение в облике молодой, обая-

тельной женщины. Лицо её обрамляли кудри светлых волос. Пробивавшийся сквозь них свет создавал не естественную прелесть их свечения. Как будто это был нимф. На бледном лице румянцем розовели щёки. Широко открытые округлые карие глаза, не высокий лоб и припухлые, розовые губы, всё говорило о молодом, здоровом существе в котором кипела жажда к жизни. Не громко мягким приятным голосом, это существо молвило:

– О! Простите, пожалуйста, моё нечаянное вторжение. Я полагала здесь не занято.

Не дав ей договорить, Павел быстро встал и предложил ей скрасить его одиночество. Она помедлила с ответом, как Павел был уже рядом. Взяв её руку, нагнулся и прикоснулся к ней лёгким поцелуем. Сказал:

– Будьте столь великодушны, скрасьте моё унылое одиночество. Мой друг уехал, и тоска не оставляет меня.

Но милovidную девушку не нужно было уговаривать. Её как будто нечаянное появление было продумано ещё с вечера прошлого дня. Слегка, для виду задержавшись на месте, мило улыбнувшись, сказала:

– Вдвоём всегда приятнее, чем в одиночку. Вы такой милый, что я не смею отказать вашей просьбе. Меня зовут Олеся. А ваше имя? Хотя подождите не говорите, я попытаюсь угадать, – она прикрыла свои прелестные глазки, поднесла указательный пальчик к губам. Что-то пошептала, и широко открыв глаза, вкрадчивым, как бы неуверенным голосом

произнесла, растягивая слова. – Ваше имя, Павел, – и её щеки зарделись ещё большим румянцем.

За завтраком, который растянулся до самого вечера, молодые люди находили много тем для интересного общения. Их знакомство не казалось им столь случайным. Представление о нём было теперь для них чем-то давним. Со стороны любой наблюдатель подумал бы, что это давно влюблённые и счастливые молодые люди.

Или молодожёны, находящиеся в свадебном путешествии.

Закончив свою, затянувшуюся трапезу, в хорошем настроении они отправились подышать свежим воздухом. И прогуляться по этому уютному городку, напоминавшем скорее большую деревню. Они шли по дощатым тротуарам, держась под ручку прижавшись друг к другу. Мир казался им прекрасным, и в этом мире, для них ни кого больше не существовало. Молодые люди действительно были влюблены друг в друга. Мысли Олеси сбивались, перебивая одна другую. Теперь, её продуманный план ни как не вязался с её чувствами. Она шла рядом, с горячо полюбившемся ей человеком. Мысленно она обращалась к любимому: «Милый Павлуша, от чего ты ранее не встретился. От чего моя не долгая жизнь идёт кувырком. Вот и теперь, когда встретила, полюбила, так, как ни кого ранее не любила. Не могу распорядиться своей судьбой сполна. Я свободна в своём выборе и в то же время во многом завишу от обстоятельств, в которых

нахожусь». Горестные мысли не давали покоя Олеся. В гостиницу они вернулись довольно поздно, поднялись на второй этаж, обнявшись, шли по тускло освещённому не большому коридору, у двери своего номера, Павел прошептал на ушко Олеся:

– Не хочу, что б ты ушла. Пойдём ко мне.

Олеся крепко поцеловала его, и они вошли в номер. Там на столе горела одинокая свеча, скупо освещая пространство номера. Они остановились посередине комнаты, Павел обнял Олеся за талию и прошептал:

– Можно я тебя буду называть Ладушкой?

Олеся, засмеялась. Прижалась к нему всем своим, хрупким, нежным телом. Сказала:

– Как хочешь, милый мой Пашенька.

И они соединились крепким и долгим поцелуем. Павел чувствовал, как в его руках Олеся становилась всё горячее и горячее, как они сливались в одно целое, пылая в страсти любви. Олеся слегка отстранилась от Павла. Медленно, ослабевшими пальцами, расстегнула пуговицы на его сюртуке, и сбросила его на пол. Павел в свою очередь, слегка дрожащими руками расстегнул пуговички на её блузке и тоже сбросил её на пол. Теперь они оба лихорадочно стали снимать с себя одежды. И когда остались без ничего, просто упали на кровать. Целуя и лаская друг друга, они не могли насладиться страстными чувствами, которые, казалось, доведут их до безумия. Олеся, впервые осязала пальцами своих рук, гру-

дью, губами, всем своим существом, молодое, крепкое мускулистое мужское тело. Которое возбуждало в ней не знакомое до сих пор желание, внутреннюю жажду познания, чего-то, того, что она ещё никогда не испытывала. Всё, что было раньше, происходило против её воли, вопреки её желаниям. Она была уверена, что в отношениях мужчины и женщины лежат только обязанности в получении чего-то, необходимого мужчинам, что для них главное в женщине это покорность и самопожертвование.

Павел, своими холёными руками лаская, податливое тело Олеси, ловил себя на мыслях: «Боже мой, какая прелесть как я её люблю» Его губы нежно целовали её лоб, глаза, губы, шею. Опускаясь ниже, ласкали груди, молодые упругие с бархатистой кожей, набухшими сосками. Левая рука ласкала живот, бёдра и легла на мягкий девичий пушок. Олеся медленно раздвинула ножки, пальцы Павла соприкоснулись с самым, чувствительным и самым желанным. Олеся, слегка вздрогнула и выгнулась, прижимая его к себе. Целуя, она шептала: «Я хочу тебя, хочу, что бы ты вошёл в меня». Павел чувствовал напряжение такой силы, которой ни когда раньше у него не возникало. В тот самый момент, когда он был готов повиноваться желанию Олеси, вдруг почувствовал, как силы мужского напряжения покинули его. Что он ни чего далее сделать не в состоянии. В первый момент он не понял, что произошло, но тут же, его охватила паника. И стыд овладел им. Олеся, сразу почувствовала, как тело Павла, ослаб-

ло. И он слегка отстранилось от неё. Олеся, поняла причину такой перемены. Она стала осторожно и нежно гладить его лицо, грудь, живот и как бы, ненароком предмет своего вожделения. Шепча на ухо: «Павлуша, голубь, мой, милый, желанный мой Павлуша». Это всё ничего, это всё пройдёт, сейчас немножко отдохнём, и нам будет ещё лучше, чем прежде. Несколько успокоившись ласки их возобновились, но были уже более спокойными, что принесло свой положительный результат. В эту ночь им было не до сна. К утру же силы оставили их. И день застал два разметавшихся на широкой постели, обнажённых спящих крепким сном, тела. Проснулись уже к вечеру, «утренний» сеанс любви, был не столь продолжительным. Приведя себя в порядок, спустились в харчевню. Пока шли через зал к кабинке, некоторые посетители, глядя на них, догадываясь по их виду о проведённой ночи. Мужчины слегка улыбались, у дам же вспыхивали румянцем щёчки, чем выдавали их мысли. Заняв своё место, наши влюблённые утолили жажду голода и отправились прогуляться. Рядом с гостиницей, располагался не большой сквер. Назвать его уютным, пожалуй, нельзя. Но всё же, какая ни наесть, а зелень. Скамейки под деревьями давали возможность отдохнуть на «природе». Наша парочка присела на скамейку затенённую кустарником. Обнявшись, стали о чём-то разговаривать. Вскоре Павел вспомнил, о каком то, деле, которое забыл исполнить.

– Олеся, дружок, извини, мене нужно срочно ненадолго

отлучиться. Даю слово, милая, я быстро.

И он спешно ушёл. Оставшись одна, девушка стала обдумывать своё положение:

– Как же теперь? Я так его люблю, но если меня найдут тогда всё, я потеряю его навсегда. Как я расскажу ему о своём злом покровителе, Аполинарие Ивановиче. Вряд ли он станет, меня любить после моего признания. Павлуша мой милый Павлуша, как мне быть, что делать? Нужно как-то освободиться от него, но как? Самое лучшее отдать ему долг моего отца, но где взять такие деньги?

От безвыходного положения, Олеся, расплакалась, навзрыд, всё её тело содрогалось. Она была на грани истерики. Когда Павел подошёл, то он бросился к ней. Обнял за плечи. Сел рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.